

ИНТЕГРАЦИЯ ПОЛЯКОВ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (КОНЕЦ XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)

С. Г. Мирзоева
Е. Х. Апажева

С конца восемнадцатого столетия Российская империя постепенно усиливает свое присутствие на Северном Кавказе. В этой связи разные этнические группы, в том числе и поляки, все активней начинают появляться в этом регионе, поскольку он уже находится под контролем России. Источники проникновения на Кавказ были разные: во-первых, это российские служащие со своими семьями, попавшие в состав России после разделов Речи Посполитой и отправленные на службу на Северный Кавказ вследствие внутренних ротаций, и, во-вторых – ученые и коммивояжеры, увидевшие в этом крае безопасное и привлекательное место после начала освоения его Россией. Процесс переселения поляков в данный регион является актуальным вопросом и на сегодняшний день, так как его изучение дает возможность проследить слияние совершенно разных культур и их благотворное влияние друг на друга. Культурно-просветительская деятельность поляков в северокавказском регионе в XIX в. проявилась в строительстве польских церквей – костелов, организации школ, благоустройстве городов и сел, открытии курортов. Просветительская деятельность, сохранение традиций, обычаев, менталитета, культуры народа были необходимы прежде всего самим полякам, так как они попали в совершенно новое культурное пространство.

Ключевые слова: Северный Кавказ, польская диаспора, поляки, культура, сохранение традиций, польские школы, костелы.

Сегодня Северный Кавказ представляет собой очень важный в геополитическом плане регион Российской Федерации, в нем проживает большое количество коренных народов: адыгейцы, карачаевцы, черкесы, ингуши, чеченцы, кабардинцы, балкарцы, осетины, калмыки и огромное количество народов, населяющих Дагестан, а также национальные меньшинства, в том числе и поляки. Поэтому очень важно внимательно относиться к обычаям, традициям истории всех этих народов, уважать их и жить между собой в мире.

Сложные политические процессы в СССР, развал социалистического лагеря и социалистического строя

в странах Восточной Европы в конце двадцатого века неминуемо привели к нравственному кризису людей, потере ими моральных ориентиров. Поэтому именно в этот период начинается поиск национальной самоидентификации [1, 124]. Неслучайно в начале XXI в. мы могли наблюдать бурное культурное возрождение поляков, оживление их религиозной жизни, повальное посещение костелов верующими. Культурное возрождение выразилось и в повсеместном открытии польских просветительских центров, основной задачей которых стало изучение польского языка, традиций и обычаев, обращение к польской истории. Все это делалось

и делается для того, чтобы не утратить польские корни среди молодых поколений, особенно когда поляки являются национальным меньшинством на Северном Кавказе. Еще одним фактором сохранения польской культуры стала пресса на польском языке. Так, в Краснодаре издавалась газета «Польские ведомости» и в Пятигорске «Кавказская Полония» [2, 279].

Еще задолго до массового переселения поляков на Северный Кавказ первые контакты между поляками и народами региона были отмечены в XVII в., что было связано с международной ситуацией. Все государства, в том числе и Польша, были озабочены тогда надвигающейся угрозой со стороны Османской империи. Польские дипломаты искали сторонников для создания антиосманской оппозиции среди южных государств. И вот именно в этот период в поле их зрения попал Северный Кавказ, славившийся своими отважными воинами [3, 112].

Еще раньше, в XVI в., в среде польской шляхты сложилась идеология сарматизма. По этой теории поляки считали, что их народ является потомком сарматов, живших на Кубани и в Причерноморье. В связи с этим учением поляки видели свое родство с народами, населявшими эти территории [4, 37]. Наиболее знатные представители польской шляхты выдвигали фантастические проекты захвата причерноморских земель. Они даже отправляли экспедиции на Кубань. Наиболее авторитетным ученым, путешествовавшим по Кавказской линии в конце восемнадцатого столетия, стал писатель и историк Ян Потоцкий [5, 64].

В период царствования Екатерины II в связи с ее восточноевропейской по-

литикой большое количество поляков оказалось в России на Кубани. Они призывались в армию наравне с жителями России. В основном это были польские солдаты, но иногда они дослуживались и до звания старшин.

Российская империя и Речь Посполитая имели общую границу, что обуславливало их тесные дипломатические контакты во все времена. И только Екатерине II удалось без войн добиться уничтожения польского государства. В результате разделов XVIII в. значительная часть Польши оказалась в границах России [6, 134].

В XIX в. Александр I продолжил политику Екатерины II, он стоял на страже интересов России. Все войны времени его правления имели целью расширение границ и укрепление обороноспособности страны. В проведении именно такой линии во внешней политике главу государства поддерживали крупнейшие политики страны. Одним из них был министр иностранных дел Российской империи – Адам Чарторыйский. Он был искусным дипломатом, либералом по своим взглядам. В международных отношениях он придерживался проведения мягкой политики: решения всех вопросов путем переговоров, альтернатив, взаимных уступок [7, 44]. Поскольку Адам Ежи Чарторыйский был поляком по происхождению, для него, как и всех польских политиков, на первом месте стоял вопрос воссоздания единого польского государства, поэтому он выступал за предоставление права на самостоятельность всем народам [8, 35]. Занимая такой высокий пост в правительстве России, Чарторыйский самоотверженно нес службу в надежде добиться от императора решения польского вопроса [9, 502].

Характерной чертой в национальном составе населения северокавказского региона в первой половине XIX в. стало наличие большого количества «инородцев» [10, 55]. Такое явление было обусловлено переселением на данные территории людей, замеченных в участии в различных бунтарских действиях, выступлениях против власти в российских провинциях и на окраинах империи. Слово «поляк» стало именем нарицательным. С этим понятием в XIX в. ассоциировали не людей польской национальности, а участников национальных движений в польских землях, Западной Украине и Белоруссии [11, 73]. Таким образом, переселение поляков на Северный Кавказ было вынужденным для поляков. Причем местным властям было предписано осуществлять неусыпный контроль над переселенцами такого рода. Они не могли селиться по своему желанию в населенных пунктах, им были определены места проживания. Такая информация отражена в материалах из местных архивов. Там также содержатся сведения о местах службы до переселения, провинностях военного и указание названия поселка или города, куда человек был направлен на постоянное или временное проживание [12, 26].

Но не всех поляков селили в северокавказском регионе навсегда. Чаще всего их ожидали постоянные ротации. Такая политика имела целью не допустить скопления большого количества поляков в одном месте, чтобы местным властям было легче их контролировать и предотвратить организацию и деятельность революционных и бунтарских групп по образцу тех, которые действовали на территории Польши. Поэтому для основной части поляков Северный Кавказ был временным прибежищем,

местом пересылки в восточные области Российской империи или за Кавказский хребет [13, 84]. Мечтать о возвращении в Польшу им уже не приходилось.

Такие выводы основаны на официальных статистических данных. Так, судя по материалам переписи населения Российской империи конца XIX в., в Дагестане числилось около двух тысяч католиков, среди них более полутора тысяч считали своей родиной восточные польские земли и разговаривали они на польском языке [14, 94].

И. В. Бентковский, поляк по происхождению, секретарь Ставропольского статистического комитета, тщательно проанализировал эти сведения. Он даже составил подробные карты направления движения групп поляков, попавших на Северный Кавказ. Они шли через города Ставрополь и Георгиевск в Грузию и Дагестан [15, 15].

Переселению поляков на Северный Кавказ и в Закавказье придавалось большое значение, поскольку оно явилось важным элементом внешней политики России в XIX в. Об этом свидетельствует тот факт, что в связи с этим явлением были обновлены и переделаны все миграционные циркуляры. В них был подробно описан порядок контактов между переселенцами, местными властями и жителями края. В соответствии с новой миграционной политикой были подготовлены целые своды документов, к каковым можно отнести «Положение о полицейском надзоре, учреждаемом по распоряжению административных властей» 1838 г. [16, 126] и «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г. [17, 48]

Община поляков по всему северокавказскому региону постепенно увеличивалась в результате естественного при-

роста [18, 148]. Планомерное прибытие переселенцев из Польши началось после опубликования в 1763 г. Манифеста, который гласил, что с этого времени иностранцы могут приезжать в любые провинции Российской империи с целью освоения пустующих земель. Для получения всех привилегий, определенных для приезжающих, иностранцы должны были принять российское гражданство и находиться в России десять лет [19, 5]. Екатерина Великая всячески поощряла подобную миграцию, она видела в ней только плюсы для России. Поэтому по ее указам переселенцы получали многочисленные льготы [20, 267]. Конечно, зная происхождение российской императрицы, первыми в Россию начали приезжать переселенцы из немецких земель [21, 190]. Мигранты из Польши были замечены во второй половине XVIII в. в значительно меньшем количестве, чем немцы по всей России вообще и на Северном Кавказе в частности.

Но отдельные случаи все-таки были. Так, в архивных документах имеются сведения о том, что коллежский советник Ю. Залусский поступил на службу в 1803 г. в Канцелярию Таврического гражданского губернатора и был удостоен знака отличия за примерную службу в течение 25 лет и ордена Святого Владимира IV степени [22, 4].

Благодаря полученному на родине хорошему образованию многие выходцы из Польши в результате делали блестящую карьеру и достигали больших высот на служебной лестнице, примером может служить путь Адама Ежи Чарторыйского, ставшего в начале XIX в. министром иностранных дел России.

Пополнение польской диаспоры на Северном Кавказе также шло за счет взятых в плен солдат французской ар-

мии. Они располагались как правило в местах прохода регулярных частей и мешали ведению боевых действий, поэтому их и перебрасывали подальше от центра страны. К таким отдаленным провинциям относился и Северный Кавказ. М. И. Кутузов в период Отечественной войны неоднократно получал донесения подобного рода: «Пленные наводят мне великое затруднение, которым за быстрым моими продвижениями, счету свести не могу» [23, 208].

К середине XIX в. переселение поляков принимает широкий размах, причем оно уже было хорошо организовано. В архивных документах указывалось количество передвигающихся по российской территории польских групп, назывались сопровождающие и даже обозначались денежные суммы, выделенные для обеспечения данного процесса [24, 88].

Массовое появление поляков на Северном Кавказе связано с военной службой поляков в российской армии. Ее кавказские части часто использовались как место ссылки польских «бунтарей» после восстаний в польских землях [25, 314]. В 1816 г. в составе Кубанского конного Линейного полка, находившегося в станице Прочноокопской, служило 7 поляков-пленных, оказавшихся в таком положении после Отечественной войны 1812 г., а в 1832 г. в полк были приняты еще 70 мужчин – польских шляхтичей из Подольской губернии. В 1834 г. поляков в полку прибавилось за счет прибытия девяти семей: Сикорских, Домбровских, Яворских, Созанских, Козловских [26, 254].

Третью категорию переселенцев составили участники польского освободительного движения второй трети XIX в.

Переселение поляков на Северный

Кавказ и их интеграция в новое культурное пространство было насильственным. Оно имело ряд причин, прежде всего политических и экономических. Главной из них было изменение внешнеполитической ситуации в начале XIX в. Речь Посполитая прекратила свое существование, и большая часть польских земель оказалась в составе Российской империи, с чем поляки никак не хотели мириться. Именно поэтому далее последовала целая череда восстаний в Польше. Приобретение новых земель на западе обернулось обострением национальной проблемы на юге империи.

-
1. *Castles S., Miller M. J.* The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World. London, 1996.
 2. *Боголюбов А. А.* Поляки на Северном Кавказе в XIX-XX вв. Краснодар, 2008.
 3. *Филина Е. И.* Польская политическая традиция и попытки ее реализации в России в Смутное время // Россия и Польша: опыт тысячелетнего соседства: Материалы международной научной конференции / Под ред. С. В. Леонова, Г. В. Талиной. М., 2019. С. 111-120.
 4. *Керовет Э. Ю.* Польская шляхта во второй половине XVI века // Вопросы современной науки: проблемы, тенденции и перспективы: Материалы Международной (заочной) научно-практической конференции / Под общ. ред. А. И. Вострецова. Кишинев, 2016. С. 36-41.
 5. *Дмитриев М. В.* Экзекуционистское движение в первой половине и середине XVI века [электронный ресурс]. URL: http://www.ruistor.ru/snarod_polyaki029.html
 6. *Грибуцкая О. В.* Внутренние факторы кризиса Речи Посполитой // Молодой ученый. 2019. № 41 (279). С. 134-137.
 7. *Снытко Т. Г.* Русское народничество и польское общественное движение. М., 1969.
 8. *Торбус А.* Социально-политические идеалы участников польского, русского и украинского освободительного движения 40-х гг. XIX века // Вопросы истории. 1988. № 7. С. 32-41.
 9. *Бовуа Д.* Гордиев узел Российской империи: власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793-1914) / Пер. с фр. М. Крисань. М., 2011.
 10. *Ионцев В. А.* Международная миграция населения: теория и история изучения. М., 1999.
 11. *Романова Г. В.* Участники польского восстания 1830-1831 г. в Симбирске // Отечественные архивы. 1999. № 3. С. 70-82.
 12. *Антонова Е. Е.* «Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии» как исторический источник // Вестник СамГУ. 2008. №5/1 (64). С. 24-32.
 13. *Glebocki H.* Fatalna sprawa. Kwesia polska w rosyjskiej politycznej (1856-1866). Krakow, 2000.
 14. История народов Северного Кавказа с XIX века до 1917 года. М., 1988.
 15. Государственный архив Ставропольского края. Фонд 322. Бентков-

ский И. В. Личный фонд секретаря Ставропольского статистического комитета. Д. 118.

16. Пашковская А. В. К 150-летию Уложения о наказаниях Уголовных и исправительных 1845 года // Государство и право. 1995. №11. С. 120-134.

17. Трыновский Я. Сибирь: этап и каторга // Родина. 1994. № 12. С. 45-58.

18. Очерки истории Ставропольского края. Ставрополь, 1986. В 2-х т. Т. 1.

19. Сафонова Е. Под музыку Шопена // Комсомольская правда. 1993. № 211. 12 ноября.

20. Бريدня О. П. Польские этюды: поляки на Кубани в XIX-XX вв. // Поляки в России: XVII-XX вв.: Материалы Международной научной конференции. Краснодар, 2003. С. 262-274.

21. Morawska E. The sociology and historiography of immigration / Immigration Reconsidered: History, Sociology and Politics. New York, 1990. Pp. 187-240.

22. Казановский А. Для чего поляки объединяются на Ставрополье // Ставропольские губернские ведомости. 1996. № 158. 7 сентября.

23. Novak A. Polska i Trzy Rosje. Krakow, 2000.

24. Sheffler G. A New Fields of Study: Modern Diasporas in International Politics // Modern Diasporas in International Politics. London, 1986.

25. Kosielqka R., Taras P. Szkole polonijne jako czynnik kulturowy toisamowci // Studia polonijne. Lublin, 1983. Pp. 312-320.

26. Ракачев В. Н. Поляки на Кубани: демографический аспект: Материалы Международной научной конференции. М., 2012. С. 251-279.

Mirzoeva, Svetlana G. – Kh. M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University (Nalchik, Russia); mirzoevasveta@mail. ru

Apazheva, Elena Kh. – Kh. M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University (Nalchik, Russia); elena_apazheva@mail. ru

INTEGRATION OF THE POLES INTO THE SOCIO-CULTURAL SPACE OF THE NORTH CAUCASUS (LATE 18TH – FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY).

Keywords: North Caucasus, Polish diaspora, Poles, culture, preservation of traditions, Polish schools, churches.

Since the end of the eighteenth century, the Russian Empire has gradually increased its presence in the North Caucasus. In this regard, different ethnic groups, including Poles, are increasingly beginning to appear in this region. They now do not perceive it as something terrible, since these territories are already under the control of Russia. The sources of their penetration into the Caucasus were different: firstly, these were Russian employees with their families who fell into Russia after the partitions of the Commonwealth and were sent to serve in the North Caucasus due to internal rotations, and secondly, scientists and traveling salesmen who saw in this region a safe and attractive place after the start of development by Russia. A radical change in the situation in Russia in terms of eliminating the «white spots» of history, the openness of archives, enable modern researchers to study moral, spiritual, social, cultural and national problems in Russia in general, and in the North Caucasus, in particular.

The process of resettlement of Poles in this region is a topical issue today, since its study makes it possible to trace the merger of completely different cultures and their beneficial influence on each other. The cultural and educational activities of Poles in the North Caucasus region in the nineteenth century manifested itself in the construction of Polish churches – churches, the organization of schools, the improvement of cities and villages, the opening of resorts. Educational activities, preservation of traditions, customs, mentality, and culture of the people were necessary primarily for the Poles themselves, since they found themselves in a completely new cultural space.

REFERENCES

1. Castles, S., Miller, M. J. *The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World*. London, 1996. 208 p.
2. Bogolubov, A. A. *Polyaki na Severnom Kavkaze v XIX-XX vv.* [Poles in the North Caucasus in the XIX-XX centuries]. Krasnodar, Kuban State University, 2008. 174 p.
3. Filina, E. I. *Pol'skaya politicheskaya traditsiya i popytki ee realizatsii v Rossii v Smutnoe vremya* [Polish political tradition and attempts to implement it in Russia in the Time of Troubles]. *Rossiya i Pol'sha: opyt tysyacheletnego sosiedstva. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoi konferentsii* [Russia and Poland: the experience of a thousand-year neighborhood. Proceedings of the International scientific conference. Eds S. V. Leonova, G. V. Talina]. Moscow, Moscow Pedagogical University, 2019, pp. 111-120.
4. Keromet, E. Yu. *Pol'skaya shlyakhta vo vtoroi polovine XVI veka* [Polish gentry in the second half of the 16th century]. *Voprosy sovremennoi nauki: problemy, tendentsii i perspektivy. Materialy Mezhdunarodnoi (zaochnoi) nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Questions of modern science: problems, trends and prospects. Proceedings of the International (correspondence) scientific-practical conference. Ed. A. I. Vostretsova]. Kishinev, Mir nauki, 2016, pp. 36-41.
5. Dmitriev, M. V. *Ekzekutsionistskoye dvizheniye v pervoi polovine i seredine XVI veka* [Executionist movement in the first half and middle of the 16th century]. [Electronic resource]. URL: http://www.ruistor.ru/snarod_polyaki029.html
6. Gributskaya, O. V. *Vnutrennie faktory krizisa Rechi Pospolitoi* [Internal factors of the crisis of Rzeczpospolita]. *Molodoi uchenyi* [Young scientist]. 2019, no. 41 (279), pp. 134-137.
7. Snytko, T. G. *Russkoe narodnichestvo i pol'skoe obshchestvennoe dvizhenie* [Russian populism and the Polish social movement]. Moscow, Nauka, 1969. 344 p.
8. Torbus, A. *Sotsial'no-politicheskiye idealy uchastnikov pol'skogo, russkogo i ukrainskogo osvoboditel'nogo dvizheniya 40-kh g. XIX veka* [Socio-political ideals of the participants of the Polish, Russian and Ukrainian liberation movements of the 40s of the XIX century]. *Voprosy istorii* [Questions of history]. 1988, no. 7, pp. 32-41.
9. Beauvois, D. *Gordiev uzal Rossiyskoi imperii: vlast', shlyakhta i narod na Pravoberezhnoi Ukraine (1793-1914)* [Gordian knot of the Russian Empire: power, gentry and people in the Right-Bank Ukraine (1793-1914). Transl. from French by M. Krisan]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. 1008 p.
10. Iontsev, V. A. *Mezhdunarodnaya migratsiya naseleniya: teoriya i istoriya izucheniya* [International population migration: theory and history of study]. Moscow, Dialog-MSU, 1999. 255 p.

11. Romanova, G.V. *Uchastniki pol'skogo vosstaniya 1830-1831g. v Simbirsk* [Participants of the 1830-1831 Polish uprising in Simbirsk]. *Otechestvennye arkhivy* [National archives], 1999, no. 3, pp. 70-82.
12. Antonova, E. E. «*Sbornik statisticheskikh svedenii o Stavropol'skoi gubernii' kak istoricheskii istochnik* [«Collection of statistical information about the Stavropol province' as a historical source]. *Vestnik SamGu* [Bulletin of Samara State University]. 2008, no. 5/1 (64), pp. 24-32.
13. Glebocki, H. *Fatalna sprawa. Kwesja polska w rosyjskiej politycznej (1856-1866)* [A fatal case. The Polish question in the Russian politics (1856-1866)]. Krakow, 2000. 264 p.
14. *Istoriya narodov Severnogo Kavkaza s XIX veka do 1917 goda* [The history of the peoples of the North Caucasus from the 19th century to 1917]. Moscow, Nauka, 1988. 394 p.
15. *Gosudarstvennyi arkhiv Stavropol'skogo kraja* [State Archives of the Stavropol Territory]. Fund 322. Bentkovsky, I.V. Personal fund of a secretary of the Stavropol Statistical Committee. Case 118.
16. Pashkovskaya, A.V. *K 150-letiyu Ulozheniya o nakazaniyakh Ugolovnykh i ispravitel'nykh 1845 goda* [To the 150th anniversary of the Code of Criminal and Correctional Punishments 1845]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law]. 1995, no. 11, pp. 120-134.
17. Trynovsky, J. *Sibir': etap i katorga* [Siberia: stage and hard labor]. *Rodina* [Homeland]. 1994, no. 12, pp. 45-58.
18. *Ocherki istorii Stavropol'skogo kraja. V 2 t.* [Essays on the history of the Stavropol Territory. In 2 vols]. Stavropol, Knizhnoe izdatel'stvo, 1986, vol. 1. 487 p.
19. Safonova, E. *Pod muzyku Chopena* [To the music of Chopin]. *Komsomolskaya Pravda* [Komsomolskaya Pravda]. 1993, no. 211, November 12.
20. Bridnya, O.P. *Pol'skie etyudy: polyaki na Kubani v XIX-XX vv.* [Polish studies: Poles in the Kuban in the XIX-XX centuries]. *Polyaki v Rossii: XVII-XX vv.: Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Poles in Russia: XVII-XX centuries: Proceedings of the International Scientific Conference]. Krasnodar, 2003, pp. 262-274.
21. Morawska, E. The sociology and historiography of immigration. In: *Immigration Reconsidered: History, Sociology and Politics*. New York, University Press, 1990, pp. 187-240.
22. Kazanovsky, A. *Dlya chego polyaki ob'edinyayutsya na Stavropol'ye* [Why the Poles are uniting in the Stavropol Territory]. *Stavropol'skie gubernskie vedomosti* [Stavropol Provincial Gazette]. 1996. no. 158, September 7.
23. Novak, A. *Polska i Trzy Rosje* [Poland and three Russia]. Krakow, 2000. 348 p.
24. Sheffler, G. A New Fields of Study: Modern Diasporas in International Politics. In: *Modern Diasporas in International Politics*. London, 1986, pp. 84-92.
25. Kosielska, R., Taras, P. *Szkole polonijne jako czynnik kulturowy to'isatom'ci* [Polish diaspora school as a cultural factor of identity]. *Studia polonijne* [Polish studies]. Lublin, 1983, pp. 312-320.
26. Rakachev, V.N. *Polyaki na Kubani: demograficheskii aspekt* [Poles in the Kuban: demographic aspect]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Proceedings of the International Scientific Conference]. Moscow, Moscow State University, 2012, pp. 251-279.